
Л. А. ИВАНОВА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРАХИКРАННОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время можно считать общепризнанным тезис о том, что археологические культуры совпадают с древними этническими общностями¹. Мнения исследователей расходятся в определении того, что представляет собою археологическая культура, в выделении конкретных археологических культур, а также в определении тех признаков материальной культуры, которые могут служить наиболее ярким показателем этнического тождества или различия, приблизительно таким, каким для лингвистов и этнографов является язык. В этом отношении интересна полемика между А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс, в которой речь идет о выделении признаков культуры, не зависящих ни от естественно-географических, ни от хозяйственных условий. М. Е. Фосс считает, что такие черты обнаруживаются в орнаменте предметов, среди которых главное место занимает керамика, покрытая сплошным узором². По мнению же А. Я. Брюсова, керамика является одним из главных, но не единственным признаком этнической общности. «Так,— писал Брюсов,— я считаю костяные наконечники стрел шигирского типа характерными для определения культуры и наличие их в другой культуре — свидетельством этнической родственности племен, которым принадлежат эти культуры»³. Кроме этого, А. Я. Брюсов считает, что и другие элементы материальной культуры могут быть использованы для выделения этнических общностей, например, многие детали орудий, не имеющие функционального значения, а лишь связанные с традициями изготовления⁴.

А. А. Формозов писал о том, что при изучении этнической истории для каждого времени существует свой источник для суждения о наличии

¹ М. И. Артамонов, К вопросу об этногенезе в советской археологии, КСИИМК, вып. XXIX, 1949; М. Е. Фосс, О терминах «неолит», «бронза», «культура», КСИИМК, вып. XXIX, 1949; ее же, Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА, 29, М., 1952; А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; его же, Археологические культуры и этнические общности, «Сов. археология», XXVI, М.—Л., 1956; А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век в Прибайкалье, ч. I и II, МИА, 18, М.—Л., 1950, стр. 10; А. Я. Брюсов, Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов, М., 1964; Н. Н. Гурина, К вопросу об этнокультурных областях лесной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита, М., 1964; А. П. Смирнов, Понятие «археологической культуры», Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 года, М., 1964.

² М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 66.

³ А. Я. Брюсов, Археологические культуры и этнические общности, стр. 20.

⁴ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, Труды ГИМ, вып. IX, М., 1940.

этнической общности; для палеолита — это орудия труда и памятники искусства, для неолита — керамика, орудия труда и памятники искусства⁵.

Однако дело не только во времени, этнической историей которого занимается исследователь, но и в тех видах археологических источников (поселения, стоянки, кладбища, мастерские, рудники и т. д.), которые имеются в его распоряжении. Представляется вероятным, что вся сложность и запутанность проблемы археологических культур для неолита севера европейской части СССР, например, объясняется в какой-то мере характером археологических источников — это стоянки, мастерские и поселения почти при полном отсутствии исследованных могильников.

А между тем, наряду с керамикой, памятниками искусства и деталями орудий не имеющими функционального значения, большую роль в решении вопросов этнической истории играют антропологические материалы.

Автор пытается рассмотреть проблему выделения этнических общностей на материале афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы⁶. До сих пор кладбища являются единственным видом археологических памятников, давших возможность изучать эту культуру. Могильники афанасьевской культуры дают большой керамический материал и некоторые антропологические материалы, позволяющие судить об антропологическом составе населения афанасьевской культуры. В работе будет сделана попытка рассмотреть, как определенные виды керамики, являющейся археологическим признаком наличия или отсутствия этнического единства, сопутствуют тем или иным антропологическим типам в погребениях афанасьевских могильников.

Древняя посуда обладает целым рядом специфических признаков. Эти признаки, определяемые визуально, отражают приемы ее изготовления. Определенное сочетание этих признаков образует традицию в изготовлении керамики, свойственную той или иной этнической группе.

Керамика, считающаяся афанасьевской, разделяется исследователями по форме на следующие основные типы: 1) яйцевидные сосуды (с острым или уплощенным дном); 2) сферические (с уплощенным или круглым дном); 3) вазочки-курильницы с ручкой; 4) вазочки-курильницы с перегородкой; 5) сосуды баночных форм⁷.

По способу изготовления эти сосуды делятся на две группы. В первую группу входят яйцевидные и сферические сосуды, а также вазочки-курильницы с ручкой. В качестве основной примеси к тесту фигурирует, по-видимому, чаще всего толченая керамика. Изготовлена эта группа сосудов способом кольцевого налепа. Ленты насаживали одну на другую так, что верхний край каждого кольца входил в нижний край вышестоящего кольца, оттискивая в нем желобок. Стенки желобка размазывали вниз и приминали. По мере скрепления отдельных колец, сосуду придавали руками окончательную форму. Поверхности сглаживали зубчатым штампом, смоченным водой. Внешняя поверхность сосудов орнаментировалась (рис. 1). Орнамент наносился палочкой или зубчатым штампом, оттиск которого имел овальный или каплевидный контур. Зубчики штампа были овальной или круглой формы. Обжиг сосудов окислительный.

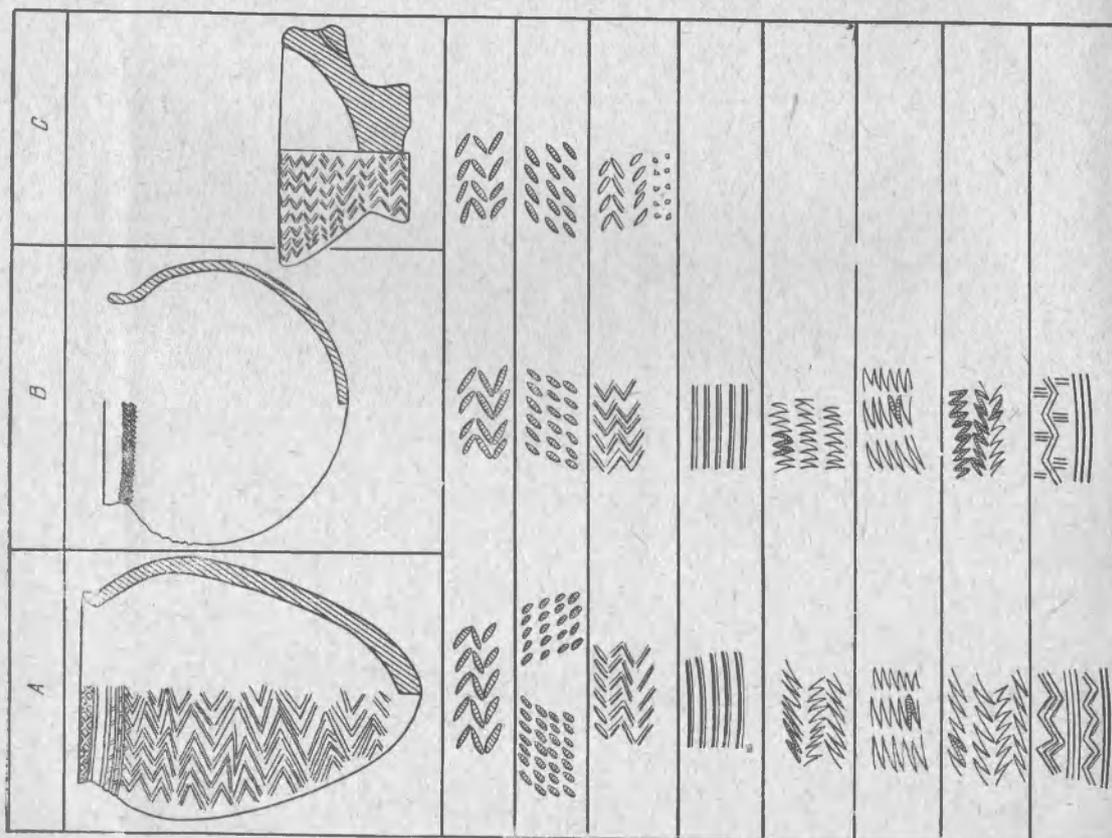
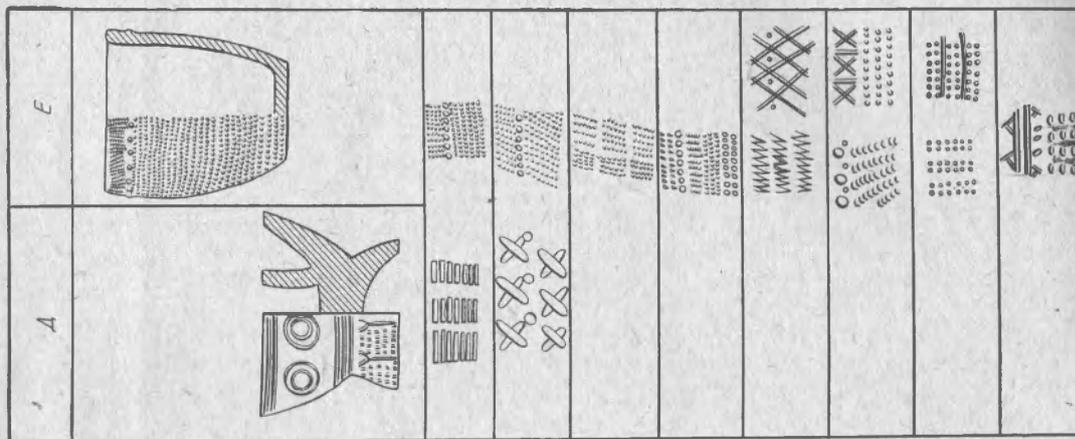
Вторая группа включает баночные сосуды и вазочки-курильницы с перегородкой. В качестве отощителя использовали песок и слюду. Со-

⁵ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 20.

⁶ В работе не учтены памятники, раскопанные Красноярской экспедицией.

⁷ Типы эти условны, но более дробных и точных для этой работы не требуется.

Рис. 1. Основные типы керамики из афанасьевских погребений: А — яйцевидные сосуды, В — сферические сосуды, С — вазочки курильницы с ручкой, Д — вазочки-курильницы с переломкой, Е — сосуды баночных форм

суды также изготавливали от руки, но способ скрепления лент иной: ленты накладывали одну на другую так, что нижний край верхней ленты (по отношению ко дну) накладывался изнутри на верхний край нижней ленты. Такой способ скрепления лент мог иметь место только при кольцевом налете. Сосуды формовались выбивкой. Поверхности замыкались водой. Орнамент наносился или палочной или зубчатым штампом, оттиск которого имеет в основном прямоугольный абрис, а зубчики штампа дают прямоугольный или квадратный оттиск (рис. 1). Обжиг сосудов этой группы восстановительный.

Таким образом, в одной археологической культуре имеют место две различные керамические традиции. Так как керамика, по общему мнению, является одним из существенных этнических определителей на археологическом материале, то можно предполагать, что в памятниках афанасьевской культуры мы сталкиваемся не с одной, а с двумя этническими группами. Это выглядит тем более вероятным, что антропологический состав населения афанасьевской культуры неоднороден.

Первым исследователем палеоантропологических материалов из афанасьевских погребений был Г. Ф. Дебеч. На очень большом материале он дал антропологическую характеристику афанасьевцев. Для них характерны «резко выступающий нос, сравнительно низкое (особенно если принять во внимание рост) лицо, низкие глазницы, широкий лоб — все эти признаки говорят о принадлежности их к европейскому стволу»⁸. «В афанасьевских черепах нельзя установить никакой примеси монголоидных элементов»⁹.

В 1950—1960 гг. А. П. Липский раскопал целый ряд могильников и отдельных могил, которые он определил как афанасьевские. Некоторые из этих погребений дали краниологический материал, резко отличающийся от остальной афанасьевской серии. Первый такой череп А. Н. Липский открыл в погребении у Аскиза. Черепная коробка его была круглой (в отличие от длинной у афанасьевцев), а лицо сильно уплощенным. Эта находка позволила поставить вопрос о сложности антропологического состава населения афанасьевской культуры¹⁰. Материалы могильников, раскопанных А. Н. Липским позднее (Бельтырского и Тас-хазаа), дали дополнительный, краниологический материал. Он был обработан В. П. Алексеевым. В итоге своих исследований он заключил, что черепа из Аскиза и могильников Тас-хазаа и Бельтырского «отличаются от ранее описанных черепов афанасьевской культуры более широкой, круглой и низкой черепной коробкой, более узким лбом, значительно более широким и иногда более высоким лицом и уплощенностью лицевого скелета в горизонтальной плоскости. Масштаб этих различий значительно превышает обычно наблюдаемые различия между близкими типами»¹¹. По его мнению, «кроме представителей палеоевропейского типа в Минусинских степях фиксируется брахикранный монголоидный компонент»¹².

⁸ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, 1948, стр. 65.

⁹ Г. Ф. Дебеч, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 15.

¹⁰ А. Н. Липский, Афанасьевские погребения в Хакасии, КСИИМК, вып. XVII, 1952.

¹¹ В. П. Алексеев, Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 380.

¹² В. П. Алексеев, Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья, Труды ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, 1961, стр. 163; см. также: В. П. Алексеев, О брахикранным компоненте в составе населения афанасьевской культуры, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 129.

Посмотрим, в какой связи находятся разные антропологические типы афанасьевского населения и две керамические традиции (см. таблицу). В эту таблицу включены все афанасьевские черепа из Хакасско-Минусинской котловины, которые были измерены Г. Ф. Дебецом¹³ и В. П. Алексеевым¹⁴, и принадлежность которых к определенной могиле могла быть установлена. Из антропологических данных, приводимых каждым из этих авторов, в таблицу включены следующие сведения: 1) пол, 2) величины черепных указателей и 3) величины углов горизонтальной профилировки лица. Две эти величины дают представление о форме мозговой коробки и о степени уплощенности лица. Почти все черепа, за исключением четырех случаев, были найдены с керамикой. Типы сосудов и принадлежность их к той или иной традиции также указаны в таблице.

Как видно из таблицы, брахикранный череп сочетается с уплощенностью лица, а долихокранность — с отсутствием плосколиности. При этом краниологический материал, поддающийся сопоставлению с керамикой, распадается на две группы (за исключением могилы 6 Афанасьевой горы и могилы 4 Тас-хазаа), каждая из которых коррелирует с керамикой определенной традиции. Так, длинноголовые европеоидные черепа коррелируют с керамикой первой традиции, брахикранные — со второй керамической традицией. На основании этих данных, очевидно, можно с известным основанием утверждать, что перед нами, действительно, две этнически разные группы населения.

Возникает вопрос, относятся ли обе группы к одной археологической культуре или существовали не только две различные этнические группы населения, но и две археологические культуры, случайно объединенные археологами. Прежде всего необходимо выяснить, действительно ли пять типов сосудов могут быть объединены в единый керамический комплекс, характерный для одной культуры. Для этого применим такую категорию, как «достоверный комплекс», предложенную О. Монтелиусом¹⁵. По Монтелиусу, «достоверный комплекс» — это сумма предметов, найденных в условиях, свидетельствующих об их одновременном положении. Очевидно, могильное поле в целом не может рассматриваться как «достоверный комплекс». Достоверным комплексом будет являться индивидуальная могила. Но Монтелиус с большой осторожностью рассматривает как достоверный комплекс коллективную могилу. Он отмечает, что «...если в могиле похоронен более чем один умерший, то необходимо знать, что лежало при каждом трупе для того, чтобы можно было использовать находки для хронологических исследований»¹⁶. Применить этот тезис к изучению погребений афанасьевской культуры невозможно, так как в коллективных могилах этой культуры все приношения в посуде ставили в одной части могилы, а погребенные находились в другой. Поэтому отнести каждый сосуд к определенному костяку невозможно, тем более, что число погребенных и число сосудов часто не совпадает. Таким образом, достоверным комплексом можно считать только индивидуальную могилу, не потревоженную от момента захоронения до момента раскопок.

¹³ Г. Ф. Дебеч, Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя, «Антропологический журнал», 1932, № 2.

¹⁴ В. П. Алексеев, Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы; его же, О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры.

¹⁵ O. Montelius, Die älteren Kulturperioden in Orient und Europa. I. Die Methode, Stockholm, 1903.

¹⁶ Там же, стр. 93.

О. Монтелиус считал, что «достоверный комплекс только делает намек на одновременность типов, принадлежащих ему. Возможно, что два разновременных предмета могли случайно оказаться вместе. Между тем, если мы эту комбинацию двух или более типов встретим во втором комплексе, вероятность того, что эти типы действительно одновременны, намного увеличивается, а если мы найдем вместе те же самые типы три или четыре раза, то едва ли возможно считать, что это случайность. Чем больше число комплексов с тем же самым сочетанием, тем увереннее мы можем сказать, что имеем дело действительно с вещами, которые были изготовлены в одно и то же время»¹⁷.

В применении к афанасьевской культуре это значит, что различные типы керамики, встреченные в достоверном комплексе, можно рассматривать не только одновременно положенными в могилу, но и одновременно существовавшими, так как едва ли глиняные горшки могли использоваться долгое время и между изготовлением двух из них, встреченных в достоверных комплексах, едва ли мог быть большой разрыв во времени.

Исходя из изложенного, удалось выделить 10 достоверных комплексов (рис. 2). Керамика первой и второй керамических традиций ни разу не встречена вместе. Это обстоятельство дает основание говорить о том, что эти две керамические традиции не существовали одновременно в одной культуре и могильные комплексы с керамикой какой-то из этих традиций были ошибочно отнесены к числу афанасьевских.

Могильные комплексы с сосудами первой керамической традиции — тот круг памятников, на материалах которых была выделена афанасьевская культура. И яйцевидные, и сферические сосуды, а также вазочки-курильницы составляют основные типы керамики афанасьевской культуры. Керамику баночных форм¹⁸ и вазочки-курильницы с перегородкой, найденные в достоверном комплексе на Есинской МТС, нужно считать одновременно существовавшими. А так как баночные сосуды находят полную аналогию в керамике окуневской культуры Хакасско-Минусинских степей¹⁹, то и могилы с керамикой этих типов надо считать окуневскими. Полагаю, что они лишь по недоразумению долгое время считались афанасьевскими. Перечислим эти могилы, в которых была найдена окуневская керамика:

1. Афанасьевская гора, могила 6²⁰. 2. Сыда, курган 14 (насыпь или насыпь мог. 1)²¹. 3. Красный Яр, курган 6, мог. 3²². 4. Бельтыри, мог. 6²³.

¹⁷ О. Montelius, Указ. раб., стр. 13.

¹⁸ Быть может, исключение представляет баночный сосуд из могилы 8 Афанасьевской горы. Автор не имел возможности его видеть и не настаивает на его окуневской принадлежности.

¹⁹ М. П. Грязнов, Археологические раскопки на Енисее, Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 года, М., 1964, стр. 54; Г. А. Максименков, Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине, КСИИМК, вып. 101, 1964, стр. 20—21; его же, Окуневская культура. Древняя Сибирь (макет I тома «История Сибири»), Улан-Удэ, 1964, стр. 243—249.

²⁰ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии» (далее МЭ), т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 67.

²¹ В инвентарной книге Минусинского музея окуневские черепки записаны как происходящие из насыпи кургана. В публикации (С. В. Киселев, «Афанасьевские» курганы у сел. Сыды и Теси, «Сов. археология», 11, 1937, стр. 76) они обозначены как найденные в насыпи могилы 1, кургана 14.

²² В. П. Левашева, Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии, Историко-археологический сборник, М., 1962, стр. 68.

²³ А. Н. Липский, Раскопки 1953 года в Хакасии, КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 72—73.

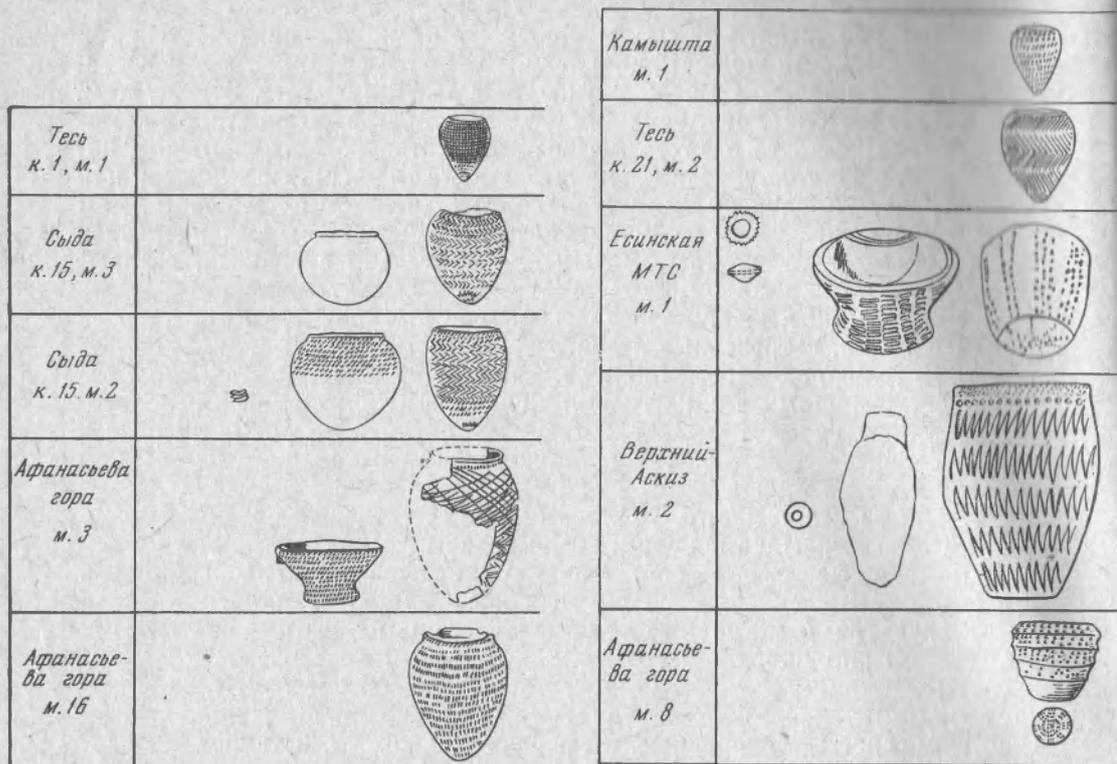

Рис. 2. Достоверные комплексы

5. Аскиз, мог. 2²⁴. 6. Есинская МТС, мог. 1²⁵. 7. В.-Аскиз, мог. 2²⁶. 8. Моисейха, курган 5²⁷. 9. Моисейха, курган 24, мог. 2²⁸. 10. Камышта (Большое кольцо), мог. 2²⁹. 11. Уйбат-Хулган, курган 1, мог. 2³⁰.

Кроме этих могил, есть еще четыре, в которых посуда не была найдена. Это следующие могилы:

1. Уйбат-Хулган, курган 2, осн. могила. 2. Уйбат-Хулган, курган 1, погребение 3³¹. 3. Тас-хазаа, мог. 5. 4. Тас-хазаа, мог. 6³².

Эти могилы можно отнести к окуневским по инвентарю. В достоверном окуневском комплексе из могилы 2 В.-Аскиза вместе с баночным сосудом найдены мраморная бусина с отверстием и обломок металли-

²⁴ А. Н. Липский, Новые данные по афанасьевской культуре, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961; его же, Афанасьевские погребения в Хакасии.

²⁵ А. Н. Липский, Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Тен (Хакасия), КСИИМК, вып. 54, 1954.

²⁶ А. Н. Липский, Отчет о раскопках афанасьевских погребений в 1958—1959 гг., Архив Ин-та археологии АН СССР, Р-1, № 2119.

²⁷ В. М. Струщенко, Отчет, Архив Ин-та археологии АН СССР, Р-1, № 2211.

²⁸ Там же.

²⁹ А. Н. Липский, «Большое кольцо» — могильник афанасьевской эпохи у истоков речки Камышты, Отчет Хакасского обл. музея о раскопках А. Н. Липского в 1958—1959 гг., Р-1, № 2119.

³⁰ Л. Р. Кызласов, Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь, «Сов. археология», 2, 1962.

³¹ Л. Р. Кызласов, Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь, «Сов. археология», № 2, 1962.

³² А. Н. Липский, Отчет об археологических раскопках могильника афанасьевской эпохи на строительстве Койбальского канала Хакасской АО в 1957 г., Р-1, № 1476.

ческого ножа. Все три вещи одновременны. В афанасьевских могилах никогда не находили шаров, сделанных из мрамора или из других пород камня. Точно так же не являются афанасьевскими бронзовые или костяные игольники с иглами. Но они в большом количестве найдены в окуневском могильнике Черновая VIII, в могилах Окунева улуса, в могиле 6 Бельтырского могильника. В кургане 2 в Уйбат-Хулгане в основной могиле найден трубчатый игольник с двумя полированными иглами, резец грызуна, белый мраморный шарик с отверстиями с двух сторон, просверленными под углом друг к другу. В кургане 1, могиле 3 Уйбат-Хулгана — полный игольник из трубчатой кости, кремневый отщеп, полированная бусина со сверлиной из пестрого камня.

Несколько окуневских могил из перечисленных выше являются впускными в афанасьевские ограды или могилы. Так, могила 3 кургана 6 в Красном Яре впущена в афанасьевскую ограду и ориентирована с севера на юг, тогда как основные афанасьевские могилы — с ЮЗ на СВ. Погребение 2 и 3 кургана 1 в Уйбат-Хулгане расположены над основной (афанасьевской) могилой: погребение 2 на горизонте, а погребение 3 в засыпи основной могилы. Можно предполагать, что погребенный с окуневской банкой, игольником с иглами является впускным в могилу 6 Афанасьевской горы. Но доказать это теперь, когда с момента раскопок прошло более 30 лет, невозможно. И если три впускных погребения, находящиеся стратиграфически выше афанасьевских, показывают, что окуневские памятники более поздние, чем афанасьевские, то совместное нахождение их в одной могиле (правда, это один случай и комплекс недостоверный) позволяет предполагать возможность одновременного существования этих двух культур на каком-то отрезке времени.

Кроме перечисленных выше окуневских могил, включенных в состав афанасьевских памятников, есть еще несколько могильников и отдельных могил, которые были датированы раннеандроновским временем. Впрочем, культурная принадлежность некоторых из этих могил, например, из могильника в Абакане у церкви, позднее была изменена на афанасьевскую³³. Однако по набору вещей, по обряду и устройству могил они также являются окуневскими. Сюда же надо отнести несколько могил из Окунева улуса, отнесенных М. Н. Комаровой к окуневскому этапу³⁴. Это следующие могилы: 1. Абаканская управа (II курганная группа, К. 1, мог. 2 и 4)³⁵. 2. Окунев улус (мог. 2, 7, 8)³⁶. 3. Абакан у церкви³⁷. 4. Могила в Усчуле³⁸. 5. Могила в «Ярках»³⁹. Перечисленные могилы окуневской культуры характеризуются довольно устойчивым сочетанием признаков. Как правило, умершие похоронены в каменных ящиках, на спине с поднятыми вверх коленями, под головами нередко положены камни, погребенные ориентированы головой на юг (чаще) или юго-запад. В инвентаре баночная посуда и вазочки-курильницы с перегородкой, мраморные (или каменные) шары с отверстиями или без них, костяные или металлические игольники с иглами, пластинчатые металли-

³³ А. Н. Липский, Новые данные по афанасьевской культуре, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 269.

³⁴ М. Н. Комарова, Погребения Окунева улуса, «Сов. археология», IX, 1947.

³⁵ А. В. Адрианов, Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае, Минусинск, 1902—1924, стр. 75, 76.

³⁶ М. Н. Комарова, Указ. раб.

³⁷ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 74—75.

³⁸ А. Н. Липский, Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г., КСИИМК, вып. 25, 1949.

³⁹ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 77.

ческие ножи, всевозможные поделки из стеатита (птички, скульптурки, колечки с зубчиками по краю).

По отдельным признакам можно отнести к окуневской культуре ряд могил из могильника Тас-хазаа. В могиле 5 двое взрослых похоронены на спине с поднятыми вверх ногами. Плиты с изображениями, каменные наконечники стрел, подвески из челюстей хищника, металлические колечки, стеатитовые колечки с нарезкой по краю — все это типичный окуневский инвентарь. В могиле 6 найдены металлический нож, резцы грызуна, плиты с изображениями. По инвентарю окуневскими можно считать также погребения первого и второго ярусов могилы 1. В могиле 11 окуневскими можно считать погребение первого яруса, погребение с баночным сосудом второго яруса и погребение четвертого яруса. В могиле 3 обнаружен окуневский сосуд. Сложнее обстоит дело с могилой 4. В могиле, по сообщению автора, найдены яйцевидный афанасьевский сосуд, окуневская вазочка-курильница с перегородкой и сосуд бочковидной формы. Нижняя часть этого сосуда шире, чем горло. Сосуд лощеный (ни в афанасьевской, ни в окуневской культурах лощеной посуды нет), обжиг восстановительный. Сосуд этот можно отнести к таштыкскому времени. Если погребение действительно не нарушено и не имело места впускное погребение, то могилу надо датировать по хронологически самой поздней вещи, т. е. по этому сосуду. Тогда нужно признать, что окуневская и афанасьевская культуры могли сосуществовать с таштыкской. Однако можно предположить, что во время раскопок не было замечено нарушения покрытия впускными захоронениями и что могила на самом деле после первого (афанасьевского) погребения дважды вскрывалась. Сначала в ней был похоронен окуневец, а затем таштыкский покойник с бочковидным сосудом. Во всяком случае, опасно рассматривать эту могилу как переходную между афанасьевской и окуневской культурами.

В заключение можно сказать, что описанные выше погребения по изложенным соображениям надо считать памятниками окуневской культуры, ошибочно отнесенными к афанасьевской или андроновской культурам. Население афанасьевской и окуневской культур имело каждое свою керамическую традицию, определенный специфический комплекс материальной культуры и различалось по своему физическому типу. Вполне вероятно, что на протяжении какого-то периода времени и афанасьевцы, и окуневцы сосуществовали в Минусинских степях. Археологические свидетельства этому уже есть. Оказало ли это совместное проживание в пределах одного географического района какое-то влияние на их физический тип — покажет дальнейшее изучение краниологических материалов из погребений этих культур. Предшествующий анализ еще раз показывает значение керамических материалов в качестве источника для выделения древних этнических общностей. Изучение этнической истории Минусинской котловины эпохи бронзы настоятельно требует проработки материалов из могильников уже выделенных культур под этим углом зрения и четкого определения ведущих признаков каждой культуры.

Сопоставление антропологического типа погребенных с особенностями керамики, обнаруженной в погребениях

№	Памятник	Череп	Пол	Черепной указатель	Назально-малярный угол	Зигмаксиллярный угол	Керамическая традиция	Типы сосудов
1.	Афанасьева гора м. 6	а	♂	76	—	—	I II	А Е
2.	Афанасьева гора м. 6	в	»	72,5	—	—	I II	А Е
3.	Афанасьева гора м. 6	с	»	80	—	—	I II	А Е
4.	Афанасьева гора м. 8	—	»	71	—	—	?	?
5.	Афанасьева гора м. 11	а	»	73,5	—	—	I	А В
6.	Афанасьева гора м. 15 (73) (изм. Г. Ф. Дебеца)	в	»	78	—	—	I	А
	(Изм. В. П. Алексеева)	»	»	77,6	139	130		
7.	Тесь II к. 10, м. 2	в	»	72,7	134	123	I	А А В С
8.	Тесь II к. 10, м. 2	г	»	72,7	137	125	I	А А В С
9.	Тесь II к. 11	—	»	—	139	129	I	В
10.	Тесь I к. 21, м. 2	—	»	69,6	—	—	I	А
11.	Красный Яр к. 2	—	»	71,5	—	—	I	—
12.	Красный Яр к. 5	—	»	78,9	—	—	I	В С
13.	Бельтыры м. 5	—	»	71,3	138	126	I	В
14.	Уйбат-Хулган к. 1, осн. мог.	—	»	67,5	133	125	I	А В
15.	Афанасьева гора (изм. Дебеца) м. 15 (73) (изм. Алексеева)	а	♀	77	—	—	I	А
16.	Тесь I к. 21, м. 1 (изм. Дебеца) (изм. Алексеева)	—	»	76,8	141 (?)	»		
		—	»	73	—	—	I	А
		—	»	72,4	139	126	I	А
17.	Тесь I к. 1, м. 2	—	»	74	—	—	I	А, В, В
18.	Тесь II к. 10, м. 2	а	»	73,8	—	—	I	А А В С
19.	Тесь II к. 10, м. 2	б	»	72,0	126	—	I	А А В С
20.	Тесь II к. 10, м. 2	е	»	74,7	139	—	I	А А В С
21.	Бельтыры м. 3	—	»	75,9	129	—	I	В
22.	Афанасьева гора м. 13 (71)	»	»	76,5	—	—	—	—
23.	Аскиз м. 2	—	♂	83,2	146	138	II	Д
24.	Уйбат-Хулган к. 2	2	»	80,7	134	142	—	—
25.	Тас-Хазаа м. 5	—	»	87,6	140	132	—	—
26.	Тас-Хазаа м. 4	1	»	—	141	—	I II	АД?
27.	Бельтыры м. 6	—	♀	82,1	148	130	II	ЕЕ
28.	Красный Яр к. 6, м. 3	—	»	81,5	139	126	II	Е
29.	Уйбат-Хулган к. 2, осн. мог.	1	»	88,4	144	135	—	—
30.	Тас-Хазаа м. 4	2	»	78,8 (?)	139	—	I II	АД?
31.	Тас-Хазаа м. 4	3	»	81,9 (?)	142	135	I II	АД?
32.	Тас-Хазаа м. 6	—	»	—	138	139	—	—

Примечание к таблице. Измерения Г. Ф. Дебеца 1—6, 15—17, 22; остальные измерения В. П. Алексеева. Условные обозначения: I — первая керамическая традиция, II — вторая керамическая традиция, А — сосуд яйцевидный, В — сосуд сферический, С — вазочка с ручкой, Д — вазочка с перегородкой, Е — баночный сосуд, м. — могила, к. — курган.

SUMMARY

The article analyzes the pottery and the ritual of the burials of Afanasievo culture. The author specifies among the Afanasievo burials the special type of burials with gallipot jars. The skulls from these burials are brachicraneous, and the face skeleton is plati-fied, which is an evidence of a mongoloid mixture.